Едошина И. А., доктор культурологии,
профессор кафедры культурологии
КГУ им. Н. А. Некрасова

О ЧЕМ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ ТЕКСТЫ ЕФИМА ЧЕСТНЯКОВА (К ПРОБЛЕМЕ ОТРАЖЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ТЕКСТЕ)

Костромская земля за время своего существования дала русской культуре два имени, аналоги которым вряд ли можно найти. Это Ефим Васильевич Честняков (1874 – 1961) и Александр Вячеславович Громов (1922 – 2012). Честняков родился и жил на Кологривской земле, а Громов – на Мантуровской. Плоть от плоти народной культуры, они воплотили ее гений: Честняков в художественных образах, Громов – в собранных в словари словах. Его последний труд – «Краткий словарь народного говора Мантуровского района Костромской области» (Мантурово, 2005)[1] – отличается особой интонацией, сопоставимой с тем, что принято именовать лирическим началом. Язык «Словаря» – это язык предков Громова, а потому и его тоже. Приведу три характерных примера. «ИСТ*О*ШНИЦА. Мастерица рассказывать о пережитом. = *Мать твоя была истошница рассказывать о горевой своей жизни замужом.* Мант. Макар. Морева Аграфена Ивановна о матери автора этого словаря, 1972 г.» (с. 34); «ПАР*А*ША, местное арго. Молва. = *Слышав о тибе парашу: што-то ты шышляёшь, записываешь какие-то наши деревенские слова*. Мант. Усол. Савин А. А. 1972 г. – автору этого словаря» (с. 55); «Ш*И*ШЛЯТЬ, ирон. Что-то делать необычное, например, в своей деревне собирать и записывать диалектную лексику. См. иллюстративный материал в статье “ПАРАША”. Мант. Усол. Об авторе словаря» (с. 92). Восприятие говора как органической части собственного исторического прошлого и настоящего отражается в «живости» (по аналогии с определением В. И. Даля – «живого языка») собранных слов, непо-

1 Помимо названного словаря, А. В. Громов является автором «Словаря лексики льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унжа» (1992), словаря лексики пимокатов Макарьевского и Нейского районов Костромской области «Жгонский язык» (2000), сборника частушек Мантуровского и Макарьевского районов Костромской области «Переплетение» (2008), а также книги стихов «У родника» (2002).

средственности их звучания. А с другой стороны, эти слова передают мир человека, живущего ценностями традиционной культуры.

Хотя, конечно, в случае с нашими авторами не все так просто. В диалекте сохраняются самые древние грамматические формы, их звучание, которые в состоянии услышать и зафиксировать филологически образованный человек. Таким и был Громов, учитель русского языка и литературы. Чтобы создать художественный образ, адекватный содержанию народной культуры, нужно видеть ее «со стороны», нужно отделиться от нее. Так, красоту природы человек осознал только тогда, когда воздвиг между природой и собой ограду. Потому хотя Громов, Честняков родились и выросли в народной культуре, хорошо ее знали, но все же их творчество отражает еще и взгляд «со стороны». В явственной форме этот взгляд представлен в «шалашке» Честнякова, которая в одной из давних статей поименована вслед за самим автором «овином»[2], или – «универсальной коллегией»[3].

«Шалашка» была особым личностным пространством Честнякова. В нее можно было попасть по вертикальной и весьма хрупкой лестнице, этим узким путем проходили, кроме хозяина, только самые близкие. «Шалашка», словно парящая между небом и землей (самодельная надстройка над домом), олицетворяла мир художника, родившегося и выросшего здесь, в Шаблове, а все же отличавшегося от односельчан. Не случайно одно из прозвищ Честнякова – дурачок. Но как известно из русских народных сказок, дурак в итоге всегда оказывается самым умным. Крестьянским сознанием Честняков воспринимался как юродивый, странный, «ши*и*шляющий» человек. Подобный взгляд вполне органично дополнялся другим – святой человек, могущий исцелить от болезней. В любом случае традиционное сознание улавливало необычность Честнякова, его *инаковость*.

Он получил учительское образование, почти пять лет преподавал на костромской земле. География мест, где он работал, свидетельствует, что от Кологривской земли он уехал весьма далеко: село Здемирово, что недалеко от Красного-на-Волге, Кострома, село Углец Кинешемского уезда. Места эти овеяны историческими легендами. С селом Здемирово связаны: под-

2 *Сапогов Вяч*. О Ефиме Честнякове и его сказке «Летучий дом» // Новый журнал. СПб. 1991. № 3. С. 3.

3 Пути в изб*а*х. Трикнижие о шабловском праведнике, художнике Ефиме Честнякове / Сост., автор предисл. и коммент. Е. Р. Обухов. – М.: Международный Центр Рерихов; Мастер-Банк, 2008. С. 17.

писание мира с монгольскими завоевателями, в честь чего был построен Никольский храм и дано название селу[4], боярин Д. И. Годунов, князь Г. П. Трубецкой[5]. Кострома – один из старых русских городов, с ее историческим центром конца XVIII – начала XIX века, Ипатьевским монастырем, напрямую связанным с династиями Годуновых и Романовых. К «очаровательным местностям» отнес Кинешемский уезд уроженец этих мест, писатель, хороший знакомец драматурга А. Н. Островского – А. А. Потехин[6].

Как чуткий человек, Честняков, конечно, впитывал в себя те зримые образы исторического прошлого, что давали все эти места, но тем больше ему становилось понятным: крестьянская жизнь, учительство, эти случившиеся в жизни обстоятельства, весьма далеки от его внутренних устремлений. Именно во время учительства Честняков осознал, что более всего его влечет искусство.

Потому при первой же возможности он в 1899 году уезжает в Санкт-Петербург, затем – в Казань, вновь – в Санкт-Петербург. Он стремится получить профессиональное художественное образование. Но жить было не на что, и вынужденно в начале XX века Честняков возвращается в Шаблово, где много работает. В результате картины и рисунки соседствуют с вылепленными из обожженной глины игрушками, а рядом – писание сказок, стихов, собирание местного фольклора и первые размышления о природе, человеке, культуре. Столь обширное и разнообразное творчество является прямым откликом на приобщение к эпохе Серебряного века в той ее части, что формировалась на адаптации народной культуры (В. В. Кандинский, К. Малевич, бубнововалетцы, Б. М. Кустодиев, «крестьянские» поэты С. А. Есенин, С. Клычков, театр кукол Н. Я. Симонович-Ефимовой, великорусский оркестр В. В. Андреева).

Искания Честнякова проходили в этом же русле, потому в 1913 году он вновь едет в столицу и везет все, что успел за эти годы сделать. Получает признание, публикует сказки для детей с собственными иллюстрациями (об одной из них со следами редакторской правки пойдет речь далее).

4 *Кучин Н. П.* Костромской край: города и веси. Географические названия Костромской области. – Кострома, 2000. С. 120.

5 *Белоруков Д. Ф.* Деревни, села и города костромского края: материалы для истории. – Кострома, 2000. С. 169.

6 *Потехин А. А.* Уездный городок Кинешма в 1851 году // А. А. Потехин и Кинешма: Сборник / Изд. подгот. Е. А. Потехина, П. М. Тамаев. – Иваново: ИД «Референт», 2009. С. 99.

Приведенные биографические данные свидетельствуют, что Честняков не является представителем наивной (народной) культуры, не ведающей рефлексии и не приобщенной к образованию. Есть вопрос, который я задаю себе уже давно: вернулся ли Честняков в Шаблово, если бы в 1914 году у него были средства к существованию? С моей точки зрения – нет. Этому «нет» я нахожу подтверждения в биографии Честнякова, который давным-давно расстался с родными местами. Не забыл, конечно, но расстался.

Вынужденно вернувшись, Ефим Честняков искал и находил в русской народной культуре ту органику, что присуща народному миросозерцанию: человек, его деятельность вписаны одновременно в природный цикл и в православный праздничный круг. Потому Шаблово, его родина, не просто деревня, а часть русского космоса, что позволяет в малом видеть большое. Такого рода совмещением определяется все творчество Честнякова. Но именно этой гармонии не обнаруживал он в современной ему крестьянской жизни, а данный от природы талант буквально «выталкивал» его из родной, казалось бы, среды. Оказавшись вновь (не по своей воле, вынужденно) в крестьянской культуре, он стремится вернуть ей первоначальный облик – «исправить». И решить такого рода (гамлетовскую) задачу можно, как ему казалось, лишь, приобщив к основаниям народной культуры детей. Так рождается идея театра (передвижного на ондреце и стационарного на первом этаже собственной избушки), пишутся огромные полотна-задники к спектаклям, лепятся глинянки, создаются сказки, стихи, философская проза.

Рукописные тексты Честнякова открывают одну особенность их автора: он предпочитает писать на сложенных вдвое, а то и вчетверо листах. Иногда бумага режется, иногда просто складывается. Отсюда – впечатление фрагментарности записей, вытянутых по вертикали. Конечно, эту особенность можно объяснить тяжелым временем, нехваткой бумаги. Но сие сугубо внешние обстоятельства. Чистовые автографы свидетельствуют о специальном намерении автора сохранять подчеркнутую вертикаль пространства бумаги (аналог все той же «шалашки»). Если речь идет о черновиках писем, то эта вертикаль «разрезается» горизонтальными линиями, отделяющими одну мысль от другой. В чистовом варианте из этих «фрагментов» потока мыслей будет складываться (составляться) единая картина. Беловой автограф есть упорядоченный хаос мыслительного процесса, иерархически структурированный. Черновики писем (в отличие от художественных текстов) в основном читаются свободно по той, видимо, причине, что из-

начально предназначены для восприятия другим человеком. Примечательным является обращение с добавлением слова «свет»: свет Александра – в оригинале: с. Ал-дра (июль 1952), Мария-свет (конец 1950 гг.), Валя-свет (конец 1950 гг.) Обращение «свет» в народной культуре используется как ласкательное[7]. Другую особенность обращений в письмах составляет, например, написание имен через дефис: Николай-Галя-Юра, в конце обычно ставится точка. Дефис, как известно, знак грамматический. Приведенное написание имен образует сложносоставное слово, внутри иерархически выстроенное: сначала следует имя отца, далее – матери, а затем – ребенка. Написанные через дефис имена составляют семью в ее различенной целостности. Галя – Галина Александровна Смирнова – дочь сестры Честнякова, Татьяны (в замужестве Готовцевой). Г. А. Смирнова была учительницей русского языка и литературы. Ее муж – Николай Смирнов. Юрий, их сын, приходится Честнякову внучатым племянником. Судя по содержанию писем, Честняков дорожил этими отношениями, потому он всегда предельно искренен: «А я что напишу кроме грусти. Душа болит, нет покоя. Да и плох стал. Все мы непрактичные. И мама моя (твоя бабушка) была тоскливая»[8]. Одновременно он с грустью признается в другом письме: «*Всегда тяжело моей душе, что с моими искусствами получилось как-бы отчуждение между мной и родными, и обоюдная неосведомленность в душевной жизни. Все с чужими, и не мог помочь Юре – его способностям*»[9].

Источником остро осознаваемого и переживаемого чувства отчуждения от родных, от односельчан является его творчество. Честняков прав: он такой, как они, и одновременно – не такой, как они. В реальной жизни их разделяет его увлеченность искусством. Но далее – парадокс! В искусстве Честняков основывается на народном миросозерцании, носителями которого были и родные, и земляки.

Он, по его определению, «сочинял словесности», в которых стремился передать целостность народного мировидения в адекватных ему формах. Одна из них – сказка. До нас дошло несколько сказок, написанных Честняковым. К сожалению, как и все его наследие, изданы они не в авторском

7 *Ашукин Н.С., Ожегов С.И., Филиппов В.А.* Словарь к пьесам А. Н. Островского. Репринтное издание. – М.: «Веста», 1993. С. 187.

8 Личный архив автора статьи. Черновик письма без дат, скорее всего, относится к 1950-м годам.

9 Личный архив автора статьи. Черновик письма без дат, скорее всего, относится к 1950-м годам.

варианте. В качестве примера обращусь к сказке «Иванушко», в оригинале написанной в дореволюционной орфографии. Я сравнила беловой автограф с правкой редактора 1913 года и текст, опубликованный в книге В. Игнатьева, Е. Трофимова «Мир Ефима Честнякова» (М., 1988), соответствующий этой правке. Главное отличие от авторского текста связано с написанием слов и постановкой знаков самого разного свойства, что вызвано, видимо, требованиями соблюдения норм литературного языка. Нечто схожее обнаруживается в изданной Костромским государственным историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником книге «Русь уходящая в небо… », включающей материалы из рукописных книг Е. В. Честнякова (Кострома, 2011). В этой книге воспроизведено факсимиле сказки «Иванушко» в редакторской правке 1913 года, которая затем была напечатана издательством «Медвежонок» (СПб., 1914). В факсимильном воспроизведении сказки сохранились следы авторской корректуры: в части слов буква е исправлена на ё, в некоторых словах проставлено ударение. Эти исправления, видимо, сделаны Честняковым карандашом по уже напечатанному (изданному) тексту и явно передают, с одной стороны, авторское несогласие с литературной правкой сказки. А с другой – отражают его стремление хотя бы как-то сохранить своеобразное звучания народной речи.

Действительно, Честняков писал сказку, в которой стремился передать специфику народного мышления, чуждую этим требованиям. Приведу целиком рукописный оригинал, за исключением, конечно, написания букв в дореволюционном варианте. В квадратных скобках указаны правки Честнякова и редактора. Оригинал названия не имеет. Название написано карандашом редактора.

[Иванушко]

Вышел Иванушко на крылечко Красной весной. Сияет Солнышко… травки зелениют [слово *зелениют* подчеркнуто редактором карандашом, над словом написано *зеленеют*]… цветочки цветут. пташки поют. И слышит: Кирлы-мурлы Кирлы-мурлы [в словах *Кирлы-мурлы Кирлы-мурлы* редактором поставлены ударения на последних слогах]: высоко [в слове *высоко* карандашом поставлен знак ударения на последнем слоге] в небесах летят веревки гусей-лебедей…

- “Гуси-лебеди, спуститесь на землю к нашей избушке… унесите меня куды [слово *куды* подчеркнуто редактором карандашом, сверху написано *куда*] желаю…” [черными чернилами поставлен, видимо, редактором знак красной строки] Услыхали гуси-лебеди – ниже и ниже, ближе и ближе подлетают к Иванову дому… и опустились у самого крыльця: “Ка-ка-ке… Садись к нам на спину – куды [слово *куды* подчеркнуто редактором карандашом, сверху написано *куда*] тебе надэ [слово *надэ* подчеркнуто карандашом редактора, зачеркнута буква *э*, сверху написана буква *о*]…” – “Да охота побывать где вы живите́…” – “Садись… унесём” [ударения проставлены Честняковым. – *И.Е.*]…Сел Иванушко на гусей лебедей [дефис отсутствует в оригинале. – *И.Е.*]… и полетили [в слове *полетили* подчеркнута карандашом редактора часть *тили*, над ней написано *тели*]… выше и выше… Прощай деревня… всё дальше, и из виду вон пропала. Летят высоко [в слове *высоко* карандашом редактора поставлен знак ударения на последнем слоге]… а внизу видно деревни, поля, горки… пригорки… ручки-ручьи [слово *ручки* редактором подчеркнуто карандашом, зачеркнута буква *и*, сверху над словом написано *речки*]… и река широкая в зеленых берегах… Идут плоты по реке… греби скрипят… огоньки горят… Плотовики меж собой перекликаются. И сидят у шалашек девици и [карандашом редактора перед буквой *и* дописана буква *д*, а затем буква *и* исправлена на букву *а* - *да*] бабы, писенки [слово *писенки* подчеркнуто карандашом редактора, сверху написано слово *песенки*] распевают… И видят веревки [слово *веревки* замазано карандашом редактора] гусей-лебедей, а не знают [далее следуют два слова плотно закрашенные Честняковым чернилами], что несут парнека [карандашом редактора в слове *парнека* поставлено ударение на последнем слоге]: далеко – не различить – ровно точка какая темниет [в слове *темниет* подчеркнута карандашом редактора часть *ниет*, сверху написано *неет*]; и не догодаются что такое незнаючи… [перед словом *Дальше* стоит редакторский знак красной строки] Дальше и дальше летят. Лес пошел гуще: елки да сосны… березы, осинки… деревья разныя.. Пролитили [в слове *пролитили* карандашом редактора подчеркнута часть *олити*, сверху написано *тели*] волок большой… Опять избы с дворами… житници… овины и бани… всякия лачуги… мекинници [слово *мекинници* подчеркнуто карандашом редактора, сверху написано слово *мякинницы*]… соломенники… погребушки и церкви… Народ ходит… Малые робята указывают пальцями [слово *пальцями* подчеркнуто карандашом редактора, сверху написано слово *пальца-*

ми] на гусей-лебедей… А они тут летили несовсем высоко [в слове *высоко* карандашом редактора поставлено ударение на последнем слоге]…И увидали люди Иванушка: “Ай, ай… гледите-ко [слово *гледите-ко* подчеркнуто карандашом редактора, в первом слоге зачеркнута буква *е*, сверху написана буква *я*]…” А гуси-лебеди скорехонько пронеслись над деревней… Уже над лесом летят. И дальше всё лес – кажется и конца ему нет. [перед словом Долго стоит знак красной строки, обозначенный черными чернилами] Долго так над лесами летили… - “Скоро-ли ваши-ти дома?” спрашивает Иванушко… - “Скоро… вот за этим перелеском большое озеро… там мы и живем…” [перед словом *Прилетили* стоит знак красной строки, выполненный черными чернилами, видимо, редактора] Прилетили [слово *Прилетили* подчеркнуто карандашом редактора, над частью слова – *тили* сверху написано *тели*] на озеро, - и видимо-невидимо плавает всякия водяныя птици [карандашом редактора подчеркнуты *слова всякия водяныя птици*, сверху исправления: в слове *всякия* над *ия* написано *ой*, в слове *водяныя* над *ыя – ой*, над словом *птици* - *птицы*]: лебеди, утки… гуси… гагары… “Ка-ка-ка ке-ке… вот какого гостя к нам принесли.” – И посадили парнека на зеленый бережок, на сухие кочечки… Там ягодки ростут кнезеничинки [слово *кнезенничинки* подчеркнуто карандашом редактора двойной чертой] да морошинки, да клюковки… И там гнезда гусей-лебедей и и всяких птиц водяных: нанесут еиц… высидят циплят… выкормят… И станут циплята такими-же большими как и сами гуси-лебеди, и будут с ними летать…[весь текст после двоеточия с двух сторон взят в скобки и перечеркнут карандашом редактора]

Сидит Иванушко на хоречке [слово *хоречке* подчеркнуто карандашом редактора двойной чертой], да ест ягодки кнезеничинки… Его окружили мамушки-няюшки [в слове *мамушки* карандашом редактора поставлено ударение на первом слоге, в слово *няушки* между буквами *я* и *ю* сверху черными чернилами, видимо, редактора вписана буква *н*] птицины, ягодками кормят, всяко забавлеют [в слове *забавлеют* карандашом редактора над последней частью слова вписано *ляют*]…в красивых шапочках, шляпках, платочках… Мительки [слово *Мительки* подчеркнуто карандашом редактора, сверху написано слово *Мотыльки*, в котором обозначено ударение на последнем слоге] летают… [зачеркнутая строка чернилами Честнякова] Коростели [карандашом редактора поставлено ударение на последнем слоге] керкают [карандашом редактора поставлено ударение на первом слоге]…

Кулички [карандашом редактора поставлено ударение на последнем слоге] куликают [карандашом редактора поставлено ударение на втором слоге]… Чайки кричат… Соловейки [карандашом редактора поставлено ударение на третьем слоге] поют… И стоят дома и палаты птичьяго царства… Ходят и летают пташки разряженныя… в разных сарафанах, рубашках: в биленьких [слово *биленьких* подчеркнуто карандашом двумя чертами, сверху написано слово *беленьких*], пестреньких, сиреньких [слово *сиреньких* подчеркнуто карандашом редактора, сверху написано слово *сереньких*], красненьких, синеньких, гулубеньких [слово *гулубеньких* подчеркнуто карандашом редактора, сверху написано *голубеньких*], желтеньких, аленьких, зелененьких – всяких разноцветных… Походят и побегают… Тихонечко и легонечко… и в прискочку-ту и в припрыжку. [от слов *тихонечко и легонечко* по слова *и в припрыжку* взяты в скобки и зачеркнуты черными чернилами и карандашом редактора] Постоят и посидят и полетают… в тени и на солнышке. По земельке гулеют [слово *гулеют* подчеркнуто карандашом редактора, сверху написано слово *гуляют*]… На озере плавают… ныряют в [Честняковым плотно зачеркнуто начало какого-то слова] воде… И на крыльях летают…

Играет Иванушко с робятами-лебедятами да с девицями-лебедицями [карандашом редактора подчеркнуты слова *девицями-лебедицями*, в первом слове над двумя последними слогами карандашом написано *цами*, во втором - *ами*]… Гулеет [слово *гулеет* подчеркнуто карандашом редактора, над двумя последними слогами надписано карандашом *ляет*] по садам и цветочкам в ягодках разных… Забыл и про дом. А когда вспомнил, и говорит: [карандашом редактора после двоеточия поставлено тире] Хорошо мне у вас жить, да стосковался по доме… [над многоточием поставлено карандашом редактора тире] Простился с лебедятами и лебедицями [слово *лебедицями* подчеркнуто карандашом редактора, над последними слогами написано *цами*], со всем царством гусиным; и понесли его домой гуси-лебеди… Летят-летят… Опеть [слово *опеть* подчеркнуто карандашом редактора, над буквой *е* написана буква *я*] леса да деревни и рички [слово *рички* подчеркнуто карандашом редактора, сверху написано слово *речки*] внизу… И говорят [карандашом редактора поставлено после слова *говорят* двоеточие] гуси-лебеди [*гуси-лебеди* зачеркнуто карандашом редактора]: “Тот раз мы забыли побывать у дедушка-медведушка – знакомый тут живёт в лесу… Не желаешь-ли к нему начевать [карандашом редактора подчеркнуто слово *начевать*, сверху написано *ночевать*]…” – “Ладно” говорит… И осе-

редь дремучаго лесу опустились на землю. Ёлки и сосны стоят величиной [карандашом Честняковым слово *величиной* зачеркнуто, сверху написано *толщиной*] чуть не си́збу [ударение поставлено карандашом Честняковым]. А медведушко сидел в черничнике, ел хрушкия ягоды. – "А… здоро̀во … здоро́во [ударение в обоих словах карандашом поставлено Честняковым]… а это кто?.." – Да вот носили к себе в гости… Начевать [слово *начевать* подчеркнуто карандашом редактора, сверху написано *ночевать*] не пустишь-ли… - "Просим милости… Ко мне залетайте во всякое време [слово *време* подчеркнуто карандашом редактора, над буквой *е* написана буква *я*]…" И повёл в свою избушку… Накормил-напоил, ягод нанёс – потшует [в слове *потшует* буква *ш* исправлена Честняковым на букву *ч*]… - "А где [слово *где* зачеркнуто черными чернилами] старуха твоя [черными чернилами исправлено *твоя* на *моя*], медвидиця?" [слово медвидиця подчеркнуто карандашом редактора, в слоге *–ви* над буквой *и* написана *е*, над буквой *я* - *а*]… - "Ушла по ягодки. Скоро придет…" Пришла медвидиця [слово медвидиця подчеркнуто карандашом редактора, в слоге *–ви* над буквой *и* написана *е*, над буквой *я* - *а*] – полный пестерь [над словом *пестерь* в скобках карандашом написано *кузов*] ягод ставит на лавку: "Ух…как устала... [далее следует густо заштрихованное, нечитаемое слово] Али гости у нас… Вот и ладно… Мы попотшуем [в слове *попотшуем* буква *ш* исправлена Честняковым на *ч*] сыроехой [слово *сыроехой* подчеркнуто редактором карандашом двумя чертами] из свежих ягод да черничным киселем… И еще испеку пшеничных лепешек…" – "Мы уж всё пробовали сказал медвидь [слово *медвидь* подчеркнуто карандашом редактора, над буквой *и* написана буква *е*], только лепешек не пекли". А медвидиця [в слове *медвидиця* подчеркнута карандашом редактора *видиця*, где над буквой и написана *е*, а над *я* - *а*] говорит: "Я сейчас затоплю печку – живочко напеку – поидят [слово *поидят* подчеркнуто карандашом редактора, над буквой *и* написана буква *е*] горечоньких [слово *горечоньких* подчеркнуто карандашом редактора, над буквой *е* написана буква *я*] в ягодках вареных". Скоро затопилась печка, ясно загорили [слово *загорили* подчеркнуто карандашом редактора, в третьем слоге над буквой *и* написана *е*] дровця [слово *дровця* подчеркнуто карандашом редактора, над буквой *я* написана буква *а*] сухия. Напекла лепешек и всех накормила. [Честняковым зачеркнуты два варианта начала следующего предложения, оставлен первый зачеркнутый вариант. – *И.Е.*] Начевали [слово *начевали* подчеркнуто карандашом редактора, в первом

слоге над буквой *а* написана буква *о*] у медведушков, а утром отправились в путь. Прилетили [слово *прилетили* подчеркнуто карандашом редактора, в слоге *–ти* над *и* написана буква *е*] в Иванову деревню, посадили его [слово *его* зачеркнуто черными чернилами] на Крыльцо и сказали: “Если [слово *если* зачеркнуто карандашом, сверху написано *ежели*] будет нужно, то кликни нас «гуси-лебеди» - мы и прилетим”. Парнёк [над буквой *ё* поставлено ударение] стал останавливать: останьтесь да погостите… - “Нет… пора нам”, сказали [слово *сказали* зачеркнуто карандашом] [вписано слово *простились*] и улетили [слово *улетили* подчеркнуто карандашом редактора, в слоге *–ти* над буквой *и* написана буква *е*]. Увидали Иванушка домашние – все обрадовались; а он стал рассказывать где был.[10]

Приведенный текст имеет целый ряд особенностей. Прежде всего, в тексте почти нет событий. Вышел Иванушко на крыльцо, увидел гусей-лебедей, просится к ним в гости, они его берут. Далее следует описание полета, затем они прилетают на озеро, следует описание птиц, которые там обитают. Иванушко играет с «ребятами-лебедятами» и «девицями-лебедицями», вдруг вспоминает, что пора домой. Гуси-лебеди его тут же домой и понесли. Неожиданно в дороге гуси-лебеди решают отправиться в гости к «медведушке», там они едят ягоды, потом приходит «медвидиця» и печет пироги. Поев-попив, Иванушко вместе со стаей отправляется вновь домой. Достигнув цели, гуси-лебеди улетают, а Иванушке все обрадовались, и он поведал, где был. Небогатая событийная канва сказки смещает акценты в сторону описания и звучания.

Честняков стремится сохранить слова в живом звучании речи, потому появляется их диалектное написание. В этом контексте правильно, с точки зрения литературного синтаксиса, расставленные знаки будут выглядеть явным диссонансом. У знаков препинания здесь свои функции. Так, точка внутри предложения «Сияет Солнышко… травки зелениют… цветочки цветут. пташки поют» фиксирует паузу, через которую травки, цветочки наполняются пением. В итоге свет соединяется со звуком и получает форму травки и цветочков. По всему тексту сказки обилие многоточий, в которых схватывается большая, чем в точке, пауза. Потому художественный мир

10 Личный архив автора статьи. Беловой автограф сказки написан выцветшими коричневого цвета чернилами, по нему редакторская правка карандашом (в основном) и частично черными чернилами; и автограф, и правка - в дореволюционной орфографии, скорее всего, 1913 года; правка черными чернилами – более позднего времени.

сказки непрерывен, это длящееся пространство, великолепная, насыщенная цветом картина, которую с помощью слов и знаков рисует Честняков. Вот почему иллюстрации, выполненные художником к этой сказке, практически монохромны. В них в самых общих чертах обозначаются место событий, действующие лица. Честняков наполняет пространство героями, похожими на людей, хотя одновременно они и птицы, и медведи, Иванушко – один из них. В единстве слова и его цветового образа Честняков воссоздает мифологическую картину мира, где человек есть не мера этому миру, а его органическая часть. Потому Иванушко способен понимать язык птиц, а птицы могут общаться с ним.

Зооморфизм – оборотная сторона антропоморфизма, их неразрывная соединенность сформирует так называемый «звериный стиль» (а данном случае речь идет о зауральском регионе России), где, например, оборотная сторона птицы изображает человека. В подобном соединении отражается мифологическое восприятие мира. В сказках волшебство зачастую связано с тем, что воспринимаемое в жизни как нечто низшее по сравнению с человеком оказывается способным встать с ним вровень: заговорить и выручить. Без помощи зооморфных персонажей герой не в состоянии решить встающие перед ним проблемы. Эту сторону мифологического мировосприятия Честняков активно и весьма искусно использует.

Художественное пространство сказки вытянуто по вертикали: от солнца к земле, а от земли – к небу. С высоты птичьего деревни, поля, горки, речки-ручьи и широкие реки в зеленых берегах почти на глазах умаляются, помещаясь в едином пространстве рисуемой картины, которую оживляют звуки да свет горящих огоньков. Но автор не забывает подробности: виды лесов, деревень, людей, взрослых и малых. Все точь-в-точь как на картинах Честнякова, пространство которых буквально «набито» людьми и предметами. Микрокосм на глазах оборачивается макрокосмом, чтобы тут же «сжаться» до озера с птицами. Изобилие еды, забавы, царящий кругом лад дают картину райской жизни на земле, утраченную людьми. Иначе Иванушке незачем видеть, как живут гуси-лебеди.

Утраты, дисгармония бытия отражены в сказке и в самой идее отправиться в гости к гусям-лебедям, и в том, что никто, кроме героя, не понимает языка птиц. Потому сказка заканчивается надеждой ее автора, что Иванушко расскажет все домашним – и они изменятся, а следом, как в сказке «Чудесное яблоко», «вся деревня», а далее – весь мир.

Приведенный культурологический комментарий является основой аутентичной публикации сказки Честнякова. Эти сказки нельзя подвергать никакой редакции по той причине, что в них автор реконструирует мифологическое миросозерцание, в которое могут вплетаться христианские мотивы. Но двоеверие есть специфическая особенность народной культуры. В силу того, что тексты (вербальные и невербальные) Честнякова – это реконструкция, вряд ли следует воспринимать его как представителя народной культуры. Творчество Честнякова, скорее, отражает восприятие этой культуры человеком, чьи художественные средства базируются на народной образности и породившей их ментальности. Его же реальная жизнь вынужденно протекала в народной среде, с которой Честнякова навсегда разделило искусство.

Раздельности бытия художника и Шаблова (как символа народной культуры) свойственна своя метафизика: создали в Шаблове музей, а дороги к нему нет и не будет. Дорогу никогда не построят. Внешняя причина – дороговизна из-за специфики почвы. Сущностная причина заключается в чужести этого пространства миру художника. Возможно, вывод этот звучит горько и даже оскорбительно для провинциального сознания, стремящегося утвердить свою значимость в известных именах, но, с моей точки зрения, здесь заключена грустная правда о человеке, которому так и не удалось прожить жизнь в близкой ему среде. Он приобщал к искусству детей, надеясь, что они когда-нибудь построят здесь другой мир, чистый, светлый, гармоничный. Такой мир не построился: дети выросли и стали обычными взрослыми. А Ефим Васильевич Честняков навсегда вошел в историю русской культуры.